

ТРИЛОГИЯ III • «ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРСЕТ»

КНИГА 7

КАБИНЕТНАЯ ПЛЕСЕНЬ

Генрих Баба

Книга 7. Кабинетная Плесень

<https://litres.ru/74672718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 7

Её кабинет слушал весь Синдикат — пока не замолчал сам.

Дубовые кабинеты Министерства безопасности хранят больше, чем личные дела. Сыщик и Анна поднимаются по этажам, отмеченным латунными ключами и пневматической почтой, к человеку, который значится в документах как куратор проекта «Изоляция». Графиня Софья Валевская принимает их в кабинете, где даже пыль лежит по расписанию.

Стены её кабинета годами слушали весь Синдикат через спрятанные латунные мембраны. В тот вечер они замолкают навсегда — вместе с осанкой графини, которая впервые в жизни оказывается сломлена не аргументом, а коротким замыканием. Но триумф длится ровно до того момента, пока в коридоре не раздаются шаги караула.

Содержание

Глава 2. Акустика мертвых коридоров	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Генрих Али Баба

Книга 7. Кабинетная Плесень

Книга 7. Кабинетная Плесень

Акт I. Входные Кордоны

Глава 1. Фельдъегерь из ниоткуда

Дубовая дверь парадного входа Министерства безопасности захлопнулась за их спинами — звук ударил в перепонки с сухой хлесткостью пушечного выстрела в упор. Уличный мир, изъеденный ледяной моросью, едкой гарью и мертвыми скелетами погасших небоскребов, отрезало разом, словно отхватило ржавым ножом. Навалилась тяжелая, свинцовая тишина — стерильная и удушливая, как воздух в склепе.

Под ногами бесшумно стлались толстые бордовые ковры, впитывающие любые признаки жизни. Сыщик ступал размеренно и жестко, чеканя шаг. На нем висела тяжелая серая шинель специальной курьерской связи — пропитанная дорожной пылью и чужой, до корки запекшейся на зимнем ветру кровью. Тот, кто носил её до него, сейчас стыл в раскисшем кювете под Тверью с распоротой гортанью. Теперь его выбитый жетон и тубус со свинцовой пломбой принадлежали Сыщику.

Его выжженный, лишённый человеческого эха мозг работал в режиме холодного тактического сканирования, расчленивая пространство на бездушные матрицы:

«Объект: Вестибюль Министерства. Световая среда: Мутный, маслянистый желток бронзовых люстр. Акустика: Коэффициент поглощения шума — 80%. Уровень угрозы: Умеренный». «Кордон № 1: Два вахтера за массивным барьером из мореного дуба. Вооружение: Табельные револьверы в закрытых кожаных кобурах. Дистанция: 15 метров».

Левая рука Сыщика судорожно, до побелевших костяшек и боли в суставах, вцепилась в локоть Анны. Девушка скользила рядом, словно бледный фантом фельдъегеря. Её глаза были наглухо стянуты плотной трикотажной повязкой, но лицо непрерывно и тревожно вздрагивало, впитывая самую изнанку министерского безмолвия.

— Здесь... так много бумаги, Сыщик, — едва слышный шероховатый шёпот сорвался с её губ, а правое ухо судорожно дернулось, улавливая частоты. — Я слышу её. Она сквозит сквозь бетон. Тысячи страниц шелестят под пальцами. На верхних этажах перекладывают чужие судьбы. И трубы пневмопочты. Каждые двенадцать секунд железные капсулы пролетают сквозь стены со свистом затаённого вздоха.

Сыщик не шелохнулся. Внутри его черепной коробки, выжженной до стерильной пустоты, не дрожало ни единого воспоминания, ни тени страха. Был лишь абсолютный, моно-

литный вакуум. Он просто зафиксировал её слова как вводную тактическую переменную.

Они вплотную подошли к тяжелому дубовому барьеру первого кордона. Старший вахтер — старик с одутловатым, землистым лицом записного канцелярского крысы — лениво приподнял веки. Мутный взгляд прополз по серой курьерской шинели, зацепился за тусклый блеск латунного жетона и уткнулся в свинцовую печать спецсвязи.

— Четвертый отдел? — голос вахтера пах дешевым махорочным дымом и остывшим кислым чаем. — Личные пропуска на стол. Что это за слепая девка за твоей спиной? У нас гражданским вход строго по третьей категории.

Сыщик качнулся вперед ровно на полшага. Его абсолютное, ледяное спокойствие, помноженное на железобетонную уверенность казенной машины, подействовало безотказно. Он не стал угрожающе смещаться к кобуре. Он лишь чуть подал вперед правую руку с тубусом так, чтобы тяжелая свинцовая пломба с личным оттиском канцелярии статс-секретаря Валиевской оказалась прямо перед носом чиновника.

— Спецсвязь Литеры «А», — его голос звучал ровно, сухо, начисто лишенный голосовых модуляций. — Пакет для графини Валиевской. Лично в руки. Слепая — мой аналоговый стенографист-шифровальщик, допущенный приказом ведомства за номером тринадцать. Личные дела курьеров этого контура изъяты из открытых реестров ради государственной безопасности. Сверяйте по журналу встречных от-

правлений. Лимит времени на верификацию: тридцать секунд. По истечении — официальный рапорт о срыве государственной доставки.

Старик оцепенел. Палец, занесенный над растрепанной амбарной книгой, замер в воздухе и мелко затрясся. Для мелкой сошки министерского приказа слова «рапорт» и «Валевская» звучали как приговор к расстрелу на рассвете. Машинные алгоритмы и цифровые сети могли давать сбои, но свинцовый оттиск личной канцелярии графини был единственным неизменным законом в этом мире мореного дуба.

— Ступайте... — сипло бросил старик, судорожно штампую фиолетовой мастикой пустой бланк курьерского маршрута. — Третий этаж, парадная лестница, крыло «Б». И смотри, чтобы вас не занесло в архивные коридоры. Там сегодня... санитарная чистка.

Тяжелая вертушка турникета с глухим, надтреснутым щелчком подалась под бедром Сыщика. Первый кордон остался за спиной. Они ступили на бесконечную бордовую дорожку, уходящую винтом в самую глубь лабиринта Кабинетной Плесени.

У подножия мраморных ступеней Сыщик на мгновение замер, давая Анне возможность плотнее прижаться к его плечу. Его сканирующий мозг требовал новых координат. Вестибюль Министерства жил своей, сокрытой от уличного хаоса параноидальной жизнью — жизнью гигантского механизма, перемалывающего людей в серую муку.

Здесь, за массивными гранитными колоннами, изъеденными сыростью, теснился бессловесный быт высшей тоталитарной номенклатуры.

Вдоль стен, прямо под оскалом старых бронзовых бра, тянулись длинные скамьи из потемневшего дуба. На них, сгорбившись, втянув головы в поднятые воротники пальто, сидели просители: испуганные тени репрессированных инженеров, поседевшие родственники исчезнувших аналитиков, разжалованные офицеры Синдиката. Они не смели переговариваться. Каждый судорожно сжимал в потных пальцах серую папку или засаленный бланк прошения, боясь поднять глаза на неспешно проходящих мимо конвоиров. Воздух здесь был густым, удушливым — в нем смешались кислый дух мокрого сукна, приторный запах мятных таблеток от нервного кашля, дешевые чернила и шлейф дорогого французского парфюмера молодых референтов Валевской.

Паранойя здесь не висела в воздухе — она пропитывала саму каменную кладку.

Сыщик скользнул взглядом по нишам: у каждого письменного стола вместо привычных терминалов связи стояли тяжелые чугунные буржуйки, чьи ржавые колена уходили прямо в вентиляционные шахты. Из заслонок тянуло горьким запахом тления — ведомство избавлялось от бумажных черновиков физически, обращая мысли в горсти серого пепла каждые полчаса. Любое слово, не запечатанное сургучом и не сожженное в топке, автоматически приравнивалось к

государственной измене.

— Под ноги, Сыщик... — едва слышный выдох Анны обжег ему щеку, её губы почти не шевелились. — На полу... металл.

Он опустил глаза. Под мягким ворсом бордового ковра угадывались продольные полосы латунных пластин, замурованных в камень каждые три метра. Разум мгновенно выдал справку:

«Объект: Напольные латунные контакты. Назначение: Интегрированные весы и скрытые детекторы массы. Система сканирует вес каждого проходящего с точностью до грамма. Вывод: Попытка вынести документ без магнитного ведомственного маркера на куртке мгновенно блокирует все периметры».

Мимо них, шурша крахмальной юбкой, пронеслась молодая стенографистка. Лицо её было белым, как известь, глаза — пустыми. Вместо планшета она прижимала к груди кипу личных дел, перевязанных суровой бечевкой. На её шее вместо нейро разъема тускнел кожаный ошейник с тяжелой латунной бляхой — жесткий механический регистратор рабочего времени. Синдикат навсегда отрекся от капризных беспроводных сетей, загнав людей в физические оковы и строгую иерархию чернильных столов.

На втором пролете лестницы двое конвоиров в глухих черных шинелях без единого опознавательного знака волокли наверх человека в сорванной судейской мантии. Он не со-

противлялся — лицо его напоминало маску из воска, а из нагрудного кармана торчал золотой дорогой паркер. На его временном пропуске, зажатом в пальцах конвоира, Сыщик успел выхватить глазами оттиск штампа густого фиолетового цвета: *«Списать по статье 12. Аннулировать в реестрах живых»*. Человека уводили в подzemелья бесшумно, под мерный, монотонный стук сотен пишущих машинок, доносившийся из распахнутых дверей первого этажа.

— Громова была права... — Анна вжалась в его плечо, её тело забилося мелкой, лихорадочной дрожью от тяжелого запаха сургуча, ползущего из подвалов. — Они выскребают из реальности всех, кто создает слишком громкий информационный след. Для них мы — не люди. Мы — кляксы на чистых бланках.

— Кляксы нельзя вытравить без дыр в бумаге, — холодно, с механической чеканкой отозвался Сыщик.

Его тяжелые ботинки ступили на верхнюю площадку лестницы. Они окончательно погрузились в приглушенный, бархатный полумрак третьего этажа, где за массивными дубовыми дверями крыла «Б» растворялось их будущее.

Глава 2. Акустика мертвых коридоров

Третий этаж встретил их бескрайней, удушливой анфиладой. Двери из потемневшего мореного дуба, пронумерованные тусклыми латунными шильдиками, тянулись по обе стороны коридора до самого горизонта, где бордовый ворс ковра тонул в маслянистом полумраке. Потолки здесь были высокими, сводчатыми, но звук не взмывал под своды — его заживо душили тяжелые суконные портьеры на окнах и толстая глухая подложка под ногами.

Сыщик шел прежним, чеканным шагом заводного механизма. Его выжженный мозг продолжал методично размечать пространство сухими кодами:

«Коридор „Б-3“. Протяженность: 120 метров. Плотность дверей: 1 проем на каждые 4 метра. Укрытия: Ниши подпольных часов, архивные шкафы с бланками строгой отчетности. Световой режим: Минимальный».

— Сбавь... — едва слышный шепот сорвался с губ Анны, и её голова за повязкой качнулась к стене. — Слушай.

Сыщик замер у тяжелого шкафа с выжженным клеймом: *«Канцелярия. Выдача листов учета»*. Мертвая тишина навалилась с новой силой, но сквозь неё уже пробивался чужеродный, утробный ритм. Глубоко внутри кирпичной кладки,

за панелями старого дерева, что-то тяжело и надсадно вздыхало.

Фу-у-у-у-х. Клатч.

— Пневмопочта, — прошептала она, и её пальцы, испачканные в сухой канифоли, невесомо коснулись стыка деревянной рамы и оштукатуренной стены. — Трубы из литой латуни. Они замурованы прямо в несущие перекрытия. Под давлением сжатого воздуха по ним несут железные капсулы-патроны с донесениями. Ровно каждые двенадцать секунд одна капсула пролетает за этой стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.